

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА ПОКОЛЕНИЯ «РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА» В РОССИЙСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ)

*В.А. Ипполитов **,

К.А. Якимов

Тамбовский государственный

технический университет,

392000, Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, 2

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена отсутствием современных обобщающих работ об участии национальных меньшинств в российском революционном движении в начале XX в. Кроме того, малоизученным остается поколенческий аспект данной темы. Цель работы: анализ социально-демографических характеристик и революционных практик национальных меньшинств поколения «революционного перелома». Задачи работы: рассмотреть этнический состав представителей рассматриваемой генерации, изучить их социальное происхождение и уровень образования, проанализировать возрастную специфику начала активной подпольной деятельности. В статье анализируются основные факторы вовлечения молодых людей в антиправительственную деятельность. **Материалы и методы.** Источниковой базой настоящего исследования стал биографический справочник «Политическая каторга и ссылка», на материалах которого была создана таблица базы данных в формате Excel. В неё были внесены сведения биографического характера революционеров (национальность, год рождения, пол, социальное происхождение, партийная принадлежность, уровень образования, годы арестов, места отбывания наказания и др.). Другим источником стали материалы фонда личных дел политкаторжан (Ф. 533. Оп. 2) в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), где рассматривались автобиографии. Методологическую базу статьи составили общенаучные методы, историко-сравнительный подход и количественный анализ данных. **Результаты.** В статье сделан вывод, что большинство представителей национальных меньшинств поколения «революционного перелома» вовлекались в активную подпольную деятельность в возрасте от 16 до 18 лет. Около половины из них начали её в годы первой российской революции. Показывается, что для латышей и поляков была характерна концентрация вокруг национальных социал-демократических партий. Среди евреев ни одна партия не имела абсолютного большинства. Грузины в основном являлись членами российских политических партий. Анализ революционных практик показывает, что представители поколения «революционного перелома» в силу возраста привлекались в основном для раздачи листовок и прокламаций. Характерно, что события 1905-1907 гг. привели к вовлечению их в забастовочное движение и некоторую часть в террористическую деятельность. **Заключение.** Авторы приходят к выводам о том, что национальные меньшинства поколения «революционного перелома» являлись важной частью социалистического движения. Среди них преобладали выходцы из городских низов, а большинство включились в подпольную деятельность в подростковом возрасте. Среди факторов ради-

кализации настроений молодежи выделяется тяжелое материальное положение семей. Но главной причиной следует считать саму обстановку в обществе в предреволюционные и революционные годы. Для представителей национальных меньшинств была характерно неустойчивость их политических взглядов.

Ключевые слова: поколение «революционного перелома», национальные меньшинства, партии, забастовочное движение, агитация, политкаторжане, национальный вопрос, крестьянство, рабочий класс.

* Ответственный автор

Для цитирования: Ипполитов В.А., Якимов К.А. (2026). Национальные меньшинства поколения «революционного перелома» в российском революционном движении начала XX века (на материалах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев) // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 120-134 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-120-134

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Статья поступила: 10.03.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Ипполитов В., Якимов К. 2026.

NATIONAL MINORITIES OF THE "REVOLUTIONARY TURNING POINT" GENERATION IN THE RUSSIAN REVOLUTIONARY MOVEMENT OF THE EARLY 20TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE ALL-UNION SOCIETY OF POLITICAL PRISONERS AND EXILE SETTLERS)

V.A. Ippolitov, K.A. Yakimov

Tambov State Technical University, 106/5 Sovetskaya St.

Tambov, 392000

Abstract

Introduction. The relevance of this study is determined by the lack of modern, comprehensive works on the participation of national minorities in the Russian revolutionary movement in the early 20th century. Moreover, the generational aspect of this topic remains understudied. The aim of the study is to analyze the socio-demographic characteristics and revolutionary practices of national minorities of the "revolutionary turning point" generation. The objectives of the study are to examine the ethnic composition of representatives of this generation, study their social origin and level of education, and analyze the age specifics of the onset of active underground activity. The article analyzes the main factors in the involvement of young people in anti-government activities. **Materials and methods.** The biographical reference book "Political Penal Servitude and Exile" served as the source for this study. An Excel database table was created using the data from this reference book. It included biographical information on the revolutionaries (nationality, year of birth, gender, social origin, party affiliation, level of education, years of arrest, places of imprisonment, etc.). Another source was the materials from the personal files of political prisoners (F. 533. Op. 2) in the State Archives of the Russian Federation (GARF), where autobiographies were reviewed. The methodological basis of the article was formed by general scientific methods, a historical-comparative approach, and quantitative data analysis. **Results.** The article concludes that the majority of representatives of national minorities of the "revolutionary turning point" generation were involved in active underground activities between the ages of 16 and 18. About half of them began their activities during the years of the first Russian revolution. It is shown that Latvians and Poles were characterized by a concentration around national social democratic parties. Among Jews, no party had an absolute majority. Georgians were mainly members of Russian political parties. An analysis of revolutionary practices shows that representatives

of the "revolutionary turning point" generation, due to their age, were mainly involved in distributing leaflets and proclamations. Characteristically, the events of 1905-1907 led to their involvement in the strike movement and some in terrorist activities. **Conclusion.** The authors conclude that national minorities of the "revolutionary breakthrough" generation were an important part of the socialist movement. They were predominantly from the urban underclass, and most became involved in underground activities as teenagers. Among the factors that contributed to the radicalization of youth sentiment, the dire financial situation of families stands out. However, the main reason should be considered the social climate itself in the pre-revolutionary and revolutionary years. Representatives of national minorities were characterized by the instability of their political views.

Keywords: "revolutionary breakthrough" generation, national minorities, parties, strike movement, agitation, political prisoners, national question, peasantry, working class.

* Responsible author

For citation: Ippolitov V.A., Yakimov K.A., (2026) National minorities of the "Revolutionary turning point" generation in the Russian revolutionary movement of the early 20th century (based on the materials of The All-union society of political prisoners and exile settlers) In *History: facts and symbols*, 3 (48), 110-119 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-110-119

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00132-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Received: 10.11.2026

Revised: 05.12.2026

Article published: 06.17.2026

Published: 10.09.2026

© Ippolitov V., Yakimov K., 2026.

1. Введение

Проблема участия национальных меньшинств в российском революционном движении до сих пор остается одной из малоизученных тем отечественной исторической науки. Для исследований, написанных в советский период, характерна идеологизация и анализ социально-политических процессов исключительно с точки зрения победившей партии [13, 5]. Особенности развития революционного движения на национальных окраинах страны в начале XX века рассматривалась в работах О.В. Будницкого [6], Э.Э. Габараева [10], А.Т. Базарова [4], С.В. Ки-становова [12], С.А. Агуреева и А.А. Болтаревского [2], И.С. Бадирова [3], А.И. Солженицина [14]. Отдельные темы, посвященные межнациональным отношениям в Закавказье, изучались Ф.Р. Джаббаровым [11], А.К. Эюбовым [15] и др. Некоторые аспекты деятельности Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев получили освещение в статьях А.А. Агранова [1], Ю.В. Варфоломеева [7], Н.Ф. Васильева [8]. Несмотря на наличие публикаций по данному вопросу стоит отметить отсутствие обобщающих работ на общероссийском материале по данной теме. Кроме того, неисследованным остается поколенческий аспект участия этнических меньшинств в российском революционном движении.

2. Материалы и методы

Цель настоящего исследования заключается в осуществлении анализа социально-демографических характеристик и изучении содержания революционных практик национальных меньшинств поколения «революционного перелома» в Российской империи в начале XX в. Методологическую базу статьи составили как общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция), так и специально-исторические подходы, в частности историко-сравнительный метод и количественный анализ данных.

Основу источниковой базы настоящего исследования составил биографический справочник «Политическая каторга и ссылка»¹, на материалах которого была создана таблица базы данных в формате Excel. Данный справочник был составлен в 1934 г. на основании материалов личных дел политкаторжан (анкеты, автобиографии, справки и т.д.). В нем содержатся краткие сведения биографического характера о членах Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (национальность, год рождения, пол, социальное происхождение, партийная принадлежность, уровень образования, годы арестов, места отбывания наказания и др.). Поскольку в фокусе нашего исследования революционеры из числа малых этносов, в таблицу были внесены ключевые социально-демографические характеристики политкаторжан, родившихся в период с 1884 по 1898 гг. за исключением представителей «триединого русского народа».

Кроме того, для нужд настоящего исследования полезным оказалось обращение к материалам фонда личных дел политкаторжан (Ф. 533. Оп. 2), сохранившимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Особое внимание уделялось анализу автобиографий революционеров, более подробно конкретизирующих и раскрывающих содержание анкетных данных. Вместе с тем авторы учитывали специфику данного вида личного источника, предполагавшегося для публичного ознакомления.

3. Результаты исследования

На момент составления справочника члены Общества из числа национальных меньшинств поколения «революционного перелома» составляли 22,2% (644 человека) от общего количества политкаторжан (2900 человек). При этом их удельный вес внутри самого рассматриваемого поколения был значительно выше. Представители национальных окраин шли в революцию гораздо активнее, чем можно было ожидать, исходя из их общей численности в населении империи. В совокупности 88,2% рассматриваемой когорты составляли евреи (58,4%), латыши (16%) и поляки (13,8%). Столь высокая концентрация объясняется как масштабом этих этносов в структуре империи (в случае евреев и поляков), так и исключительной привлекательностью революционных идей, предлагавших не только социальное, но и национальное освобождение от русификаторской политики имперской власти. Среди остальных национальных групп были грузины (6,6%), армяне (1,7%), эстонцы (0,9%), немцы (0,6%), осетины (0,4%), литовцы (0,4%), греки (0,2%), мордва (0,2%), болгары (0,2%), узбеки (0,2%), финны (0,2%) и чуваша (0,2%). В гендерном составе вполне ожидаемо преобладали мужчины (82%), тогда как женщины составляли менее пятой части рассматриваемой когорты (18%).

Абсолютное большинство радикально настроенных представителей национальных меньшинств были выходцами из городских низов, позиционируя себя в анкетах как мещан (51,2%) и рабочих (27,2%). Принадлежность к рабочему классу на момент написания анкет, несомненно, повышала престиж социального статуса революционера, однако, от общего числа выходцы из рабочего класса составляли чуть более четверти анализируемой выборки. Впрочем, в графе «профессия» процент рабочих оказался значительно выше доли их сословного происхождения и составил 72,3%. Можно предположить, что такой резкий разрыв свидетельствует об интенсивных процессах пролетаризации участников движения, сознательно выбиравших фабрично-заводскую среду для жизни и подпольной работы, а также о закономерном стремлении бывших политкаторжан подчеркнуть свой «правильный» пролетарский статус в большевистском государстве. Доля крестьян в рассматриваемой выборке всего 19,4%, дворян – 1,2%, а выходцев из духовного сословия – 1,1%.

Одним из ключевых факторов, повлиявшим на судьбу политкаторжан, было тяжелое материальное положение их семей. Детство большинства из них проходило в многодетных семьях, в условиях крайней нехватки средств для обеспечения выживания и получения достойного образования. Так, латыш Я.Т. Грудман (1884 г. р.) писал в автобиографии, что родился в

¹ Политическая каторга и ссылка. М.: Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. С. 15–876.

«многочисленной семье кузнеца-кустаря и с детства испытывал нужду и лишения»¹. Аналогично описывает свои ранние годы жизни грузинский революционер Д.Г. Гогонадзе (1885 г. р.), который сообщал, что он «сын бедного крестьянина, у родителей было много детей и не имелось средств»². В большинстве случаев автобиографии политкаторжан содержали слова «бедность», «нужда», «много детей», «отсутствие средств» и т. д. Негативный опыт, полученный в ранние годы, впоследствии будет играть важную роль в выборе ими революционного пути.

Среди выходцев из крестьян поколения «революционного перелома» преобладали дети батраков или малоземельных земледельцев. Например, революционер из латышей Я.А. Бирзе (1884 г.р.) родился в семье батраков из Лифляндской губернии. Но ситуация в деревне была настолько тяжелой, что его отец уехал в Ригу, где перебивался случайными заработками на заводе, в порту или в крестьянских хозяйствах. Сам будущий политкаторжанин в возрасте 9 лет был отправлен в деревню, где работал пастухом³. Армянин Л.А. Арустамов (1886 г. р.) происходил из многодетной семьи бедного крестьянина, работавшего в основном по найму. После его смерти Арустамов остался «совершенно без средств к существованию» и был вынужден с 7 лет работать на односельчан, «испытыв все прелести кулацкой кабалы». Вскоре из-за безработицы будущий революционер перебрался в город, где смог устроиться телефонистом⁴.

Родители многих политкаторжан формально еще оставались крестьянами, но фактически уже потеряли связи с деревней. Характерен случай латыша Ж.Ф. Скрабе (1884 г. р.), семья которого была, по его словам, из бедных землепашцев. Но его отец работал монтером в Либаве на проволочном заводе⁵. Аграрное перенаселение заставляло крестьян отдавать своих детей на обучение в города, где последним нередко приходилось жить в крайне тяжелых условиях. Сын мелкого арендатора Я.А. Тентер (1885 г. р.) с детства работал пастухом, но затем был отправлен в Ригу в булочное училище⁶. Схожая судьба сложилась у М.А. Левиной-Гуревич (1890 г. р.): дочь земледельца, в 10 лет она уехала в Полоцк на заработки в мастерскую. Освоив ремесло, через три года она вступила в ряды Бунда и стала выполнять различные поручения местной партийной ячейки⁷.

Сравнительно невысоким был образовательный уровень рассматриваемой когорты. У 29,5% политкаторжан образование ограничивалось знаниями, полученными за годы обучения в начальной школе, 31,6% в графе образование указали – «домашнее». Наибольшая доля обучалась в гимназиях или семинариях – 31,8%, высшее образование было всего у 3,3%. Следует заметить, что характерной чертой биографий некоторых революционеров была незавершенность обучения. Нередко причиной исключения являлась революционная активность обучающихся. Например, А.М. Калико (1887 г. р.), еврей по национальности, был исключен из 5 класса реального училища за участие в революционных беспорядках⁸. Уроженец Кутаисской губернии грузин О.М. Цинцадзе (1887 г. р.) был исключен из второго класса духовной семинарии в 1904 г. за организацию ученической демонстрации против русско-японской войны⁹. Похожие примеры в биографиях революционеров были не редкостью.

Впрочем, во многих случаях нехватка средств на продолжение обучения также становилась основанием для исключения из учебного заведения. Бедность большинства политкаторжан не позволяла им получить систематического образования. Так, чуваш И.А. Рычков

¹ Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ). Ф. 533. Оп. 2. Д. 538. Л. 6.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 457. Л. 4.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 181. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 68. Л. 31.

⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1853. Л. 21.

⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1989. Л. 4.

⁷ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1101. Л. 5.

⁸ Политическая каторга и ссылка... С. 260.

⁹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. С. 260.

(1889 г. р.) писал, что до 10 лет его не принимали в земское училище, да и после учился он только зимой, поскольку летом занимался полевыми работами¹. Типичным примером является биография Д.Г. Гогонадзе (1885 г. р.), который с трудом окончил двухклассное училище, после чего отправился в Кутаис искать работу². Еврей М.А. Агуф (1890 г.р.) отмечал, что был вынужден прекратить обучение в городском училище вследствие тяжелых материальных обстоятельств семьи³. Уроженка Минской губернии еврейка В.С. Казимировская-Канаевская (1890 г.р.) указала в своей автобиографии, что после обучения в хедере ее родители, занимавшиеся мелкой торговлей и жившие в нужде, не могли позволить продолжить обучение, что стало источником ее революционных настроений⁴.

В начале XX в. модернизационные процессы размывали патриархальные сельские традиции, что в частности, проявлялось в увеличении доли грамотного населения. Представители поколения «революционного перелома», несмотря на сложное материальное положение, демонстрировали настойчивое стремление получить образование и рабочую специальность. Симптоматично, что политкаторжане уделяли этому внимание даже в часто скудных автобиографических сведениях. Выходец из крестьянской семьи крестьянин И.А. Бабилодзе (1885 г. р.) писал, что после окончания сельской школы не мог учиться дальше из-за отсутствия средств. Когда отец предложил ему поступить на обучение в лавку приказчиком, он «с радостью согласился». Позже он подрабатывал в железнодорожной мастерской, где его заставляли убираться дома и в саду. Из-за тяжелых условий труда Бабилодзе несколько раз убегал назад в деревню, пока не устроился работать в типографии⁵. Революционерка из осетин Н.Е. Калоева-Чхиквишвили (1889 г. р.) сумела окончить экстерном городскую гимназию и планировала поступление в университет. Наблюдая студенческие манифестации во Владикавказе, она искренне не понимала: «Что нужно еще этим студентам, ведь они учатся в университете!»⁶ И.Н. Рычков для получения образования уехал к родственникам в Хабаровск, где, помимо обучения в реальном училище, убирал двор, топил печь, возил воду из реки и т. д. Своему дяде он стал «обузой» поэтому приходилось много работать, а за уроки садился в 11 часов вечера, когда, по его словам, «уже физически уставал и мне хотелось спать»⁷.

Отдельный интерес представляет распределение уровня образования внутри различных национальных групп. Например, евреи оказались национальной группой с самым высоким процентом домашнего образования (почти 45%), что отражает исторические ограничения (черта оседлости) и сильные традиции домашнего обучения евреев. У латышей оказалась самая многочисленная группа лиц со средним образованием (около 50%). Среди поляков чаще, чем у остальных национальных групп встречались биографии революционеров с неоконченным средним (8,6%) и неполным высшим образованием (6,2%).

Учитывая тот факт, что в анкетах бывшие политкаторжане указывали год начала подпольной работы, становится возможным реконструировать возраст политической инициации революционеров. Анализ полученных данных показал, что большинство представителей национальных меньшинств поколения «революционного перелома» вовлекались в активную деятельность в возрасте от 16 до 18 лет (57,7%). Второй по численности оказалась группа молодежи от 19 до 21 года – 24%. Радикализации молодежи в этот период способствовало как обучение в высших и средних учебных заведениях, так и отсутствие собственной семьи и связанных с ней социальных обязательств.

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1745. Л. 6.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 457. Л. 4.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 15. Л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 790. Л. 5.

⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 89. Л. 4.

⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 806. Л. 4.

⁷ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1745. Л. 6.

Заметную долю составляли те, кто примкнул к революционному движению в детском и раннем подростковом возрасте (до 15 лет) – 15,6%. Нередко это происходило под влиянием антиправительственных настроений старших родственников. Например, латышка Э.Ю. Чанке-Звиргздынь (1888 г. р.) вспоминала о том, как с раннего детства наблюдала за своим отцом, достававшим оружия для революционеров и лично участвовавшим в боях против казаков¹. Самой немногочисленной оказалась доля примкнувших к подпольному движению после 22 лет – 2,7%. При этом среди всех национальных меньшинств самый ранний возраст начала революционной карьеры оказался у наиболее многочисленной этнической группы – евреев (средний возраст – около 17 лет), тогда как, к примеру, у латышей этот показатель оказался выше на 2 года.

Типичной для изучаемого поколения была биография армянина Х.М. Мунтикова (1888 г.р.), который с 15 лет «пустился в водоворот революционного движения». Он сообщал в автобиографии, что жил в Тифлисской губернии, являвшейся центром крестьянского движения в Грузии. Мунтиков с 1903 г. участвовал в подпольных крестьянских и ученических группах. В 1904 г. являлся одним из организаторов ученической забастовки. Затем, в годы первой российской революции, вел агитацию среди рабочих². Родившийся в семье еврея-колониста (земледельца) М.М. Гордон (1887 г. р.) начал свою революционную деятельность в 15 лет, когда принял участие в ученическом бунте. В 1905 г. с 17 лет он систематически посещал конспиративные кружки и стал членом боевой дружины³. Болгарин Д.И. Маджаров (1890 г.р.) писал о том, что уже с 15 лет ощущал себя полноценным революционером, занимаясь политической агитацией в деревне⁴. Ранее упоминавшийся И.А. Бабилодзе начал свою революционную «карьеру» в 17 лет, вступив в 1902 г. в ЛСДРП⁵. Многие члены Общества стремились продемонстрировать максимально ранний возраст формирования своих политических убеждений. Например, латыш М.А. Эглит (1886 г.р.) указал в автобиографии, что хотя в революционном движении он стал принимать участие с 1904 г., уже в 12 лет в его жизни произошел «резкий перелом» как результат знакомства с издававшимся в Латвии радикальным журналом марксистского толка «Ежемесячник»⁶.

Объяснение столь юного возраста вступления национальных меньшинств на революционный путь лежит на стыке специфики самого исторического источника и объективных реалий эпохи. С одной стороны, необходимо учитывать особенности формирования выборки и верификации данных. Заявления в автобиографиях о раннем увлечении левыми идеями, несомненно, повышали статус революционера на момент заполнения анкеты (большинство из них написаны в середине 1920-х гг.). Данные анкет свидетельствуют о том, что фактическое начало подпольной работы зачастую не совпадало с официальной датой вступления в партию, а проверить эти сведения не всегда представлялось возможным. Исторический контекст накладывал свои ограничения на поколение конца XIX в. Вступившие в движение в зрелые годы не удовлетворяли цензу Общества: из-за нехватки времени они не успевали выработать многолетний революционный стаж или пережить четыре года репрессий [9, с. 32]. С другой стороны, зафиксированная тенденция отражает и реальный исторический контекст. Учитывая, что у четверти политкаторжан (24,7%) период политической инициации совпал с событиями 1905–1907 гг., массовое вовлечение молодежи и подростков в революционное движение представляется вполне закономерным.

Отдельный интерес представляет анализ динамики развития революционного движения среди национальных меньшинств (см. диаграмма 1). Неудивительно, что основной приток

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 2205. Л. 8.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1332. Л. 4.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 490. Л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1184. Л. 3–3 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 89. Л. 6.

⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 2356. Л. 3.

представителей рассматриваемого поколения пришелся на 1905–1907 гг. Около половины из них (44,5%) начали оказывать содействие революционной работе именно в это время. Автобиографии революционеров свидетельствуют о том, что революционная обстановка оказала колоссальное влияние на формирование их леворадикальных взглядов.

Диаграмма 1. Динамика развития революционного движения среди национальных групп

Источник: Политическая каторга и ссылка... С. 15–876.

Diagram 1. Dynamics of the Development of the Revolutionary Movement Among National Groups

Source: Political Penal Servitude and Exile... pp. 15–876.

В частности, поляк А.И. Андрушкевич (1890 г. р.) вспоминал, что начал участие в подпольном движении в 1906 г., работая учеником литейного цеха. Позже он напишет: «я нередко замечал шушукание рабочих, но тайны их разгадать не мог». Затем Андрушкевичу попались революционные прокламации, листовки и брошюры, которые он с «жадностью читал»¹. Крестьянин И.А. Бабилодзе находясь в Тифлисе, случайно встретил на улице демонстрацию, скандировавшую лозунги: «Да здравствует свобода!», «Долой самодержавие!» Наблюдая разгон демонстрации казаками, молодой человек полюбозыгрывал у одного из протестующих об их целях. Он сказал ему, что «они социалисты, которые требуют свободы слова, печати, собраний» и предложил самому организовать кружок молодежи².

В то же время если рассматривать отдельные годы, то рекордный показатель пришелся на 1904 г. – 26,8%; также заметна доля примкнувших к революционному движению в 1903 г. – 13,2%. Активизация революционного движения среди национальных меньшинств в 1903–1904 гг. была вызвана волной всеобщей забастовки на Юге России и обострением национального вопроса на окраинах (еврейскими погромами и политикой на Кавказе). Например, осетин И.П. Зазроев (1885 г. р.), работавший санитаром в городе Гянджа, с 1903 г. втянулся в подпольные

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 51. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 89. Л. 6.

кружки и начал распространять прокламации¹. Несколько раньше к революционному движению примкнул М.М. Гордон, который в 1901 г. случайно попал на студенческую демонстрацию в Екатеринославе. Подросток избежал наказания за исключением «пары оплеух» от полиции, но познакомился со студентом, который впоследствии привлек его к подпольной деятельности². Еврей С.А. Богуславский (1884 г. р.) вступил в социал-демократическую партию в 1903 г., когда ему было 17 лет, начав с распространения прокламаций, стал участником боев близ Александровска на Екатерининской железной дороге³. В 1908 г. Богуславский был осужден на вечную ссылку в Иркутскую губернию⁴. Последующий период реакции привел к резкому снижению притока новых кадров: после событий 1905–1907 гг. в революционную деятельность включились лишь 10,9% представителей рассматриваемого поколения.

Особого внимания заслуживает сравнение времени включения в революционную деятельность крестьян и представителей городских сословий. Так, если для большей части выходцев из деревни временем начала подпольной деятельности стал 1905 г. (36,1%), то среди мещан и рабочих этот процесс активизировался на год раньше (29,4%). Уроженцы городов нередко отмечали в автобиографиях, что встали на путь борьбы с властью за 1–2 года до начала первой российской революции, нередко акцентируя внимание на осознанности, а не стихийности своих мотивов.

Сопоставление дат инициации революционной работы и последующего ареста служит репрезентативным показателем средней продолжительности непрерывного участия субъектов в протестном движении. Практически половина радикально настроенных представителей национальных меньшинств (43,5%) были привлечены к уголовной ответственности за политические преступления спустя несколько месяцев или год активного участия в подпольной работе. Значительная часть (31,7%) оказывала содействие революционному движению 2–4 года. И лишь немногим (24,8%) удавалось скрываться от ареста 5 и более лет. Среди них часто встречаются люди с высшим образованием или те, кто начинал деятельность еще в конце 1890-х годов, когда репрессивный аппарат имперской власти был менее развит.

Следует заметить, что для многих юных революционеров первичный арест не служил основанием для прекращения антиправительственной деятельности. Более трети представителей рассматриваемого поколения (38,7%) подвергались повторным репрессиям (нередко более двух раз). Это обстоятельство объясняется тем, что первичный арест для несовершеннолетних, как правило, был непродолжительным и ограничивался лишением свободы сроком на несколько месяцев. Очевидно, что данной меры было явно недостаточно для изменения леворадикальных настроений национальных меньшинств, которые в силу молодости были более склонны к романтизации «героического» образа революционера. Многие из них считали себя настоящими борцами с царским режимом, вследствие чего и оказались на каторге. Те, кто был амнистирован до событий Февральской революции 1917 г. (4,6% от общего числа) также практически сразу включились в революционную работу. При этом выходцы из городской среды подвергались повторным арестам чаще (41,1%), чем выходцы из деревни (29,2%), так как после отбывания наказания горожанин возвращался в привычную среду, где его быстро вовлекали обратно в нелегальную работу, тогда как деревня не имела столь тесных и устойчивых связей с партийными комитетами.

Для полноты картины принципиальное значение приобретает анализ партийного состава рассматриваемой когорты. Специфика выборки обусловлена уставными рамками ВОПиС, которые императивно запрещали участие правых (монархических) и центристских (либеральных) элементов. Вследствие этого в фокус анализа попали только левые политические силы. Сум-

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 692. Л. 4.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 490. Л. 3.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 206. Л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Л. 3.

марно на социал-демократические организации (РСДРП, ЛСДРП, Бунд, СДКПиЛ) приходится 61,1% всех партийных упоминаний, что отражает преобладание среди национальных меньшинств поколения «революционного перелома» марксистского крыла. Самой многочисленной оказалась доля членов РСДРП (30,2%), причем лишь 1,2% сочли возможным или необходимым указать на свою принадлежность к большевикам. Можно предположить, что значительная часть из них примыкала к меньшевикам, однако, в середине 1920-х гг. престижнее и безопаснее была формулировка «социал-демократ», позволявшая избежать прямого упоминания о своем меньшевистском прошлом.

Вторыми по численности оказались эсеры (15%), что во многом объясняется как значительным количеством выходцев из крестьянских семей среди революционеров, так и привлекательностью эсеровской программы в вопросах национального самоопределения окраин. Заметными оказались доли анархо-коммунистов (12,5%) и анархистов (1,8%). Учитывая пестрый национальный состав, анализируемый когорты, неудивительно, что около половины из них были членами различных национальных революционных организаций: Бунд (14,7%), ЛСДРП (12,9%), ППС (7,2%), СДКПиЛ (3,3%), Поалей Цион (1,4%), СЕРП (1%).

Распространенным явлением в революционной карьере исследуемых политкаторжан были случаи перехода из одной леворадикальной организации в другую. Практически каждый шестой революционер (17,3%) менял в течение своей подпольной работы партийную организацию. В большинстве случаев подобное поведение было связано с попытками скрыться от преследований царской охранки, однако, в некоторых случаях объяснялось и осознанным выбором, обусловленным трансформацией политических взглядов. По всей видимости, на начальном этапе молодые революционеры часто не имели четко оформленных партийных убеждений, а членство в конкретной организации в большей степени выражало их общий оппозиционный настрой. Характерным примером был революционный путь И.А. Зазроева, который начинал в социал-демократических кружках, затем примкнул к эсерам, а после амнистии связал свою судьбу с большевиками¹. Идеиная флюидность была порождением самой атмосферы революционного движения, когда возникало множество радикальных течений, объединенных исключительно неприязнью к существовавшему строю. И.А. Рычков утверждал, что в 1906 г. в Хабаровском реальном училище нелегальная группа распалась на три кружка: эсеровский, эсдековский и анархистский. Сам автор в тот период увлекался анархистскими идеями М. Штирнера, но затем примкнул к эсерам². А.И. Андрушкевич вспоминал, что в годы первой российской революции неоднократно присутствовал на спорах между социал-демократами и эсерами³.

Обратим внимание на процентное соотношение партий внутри наиболее многочисленных национальных групп анализируемой когорты (см. таблицу 1). Как видим, латыши и поляки демонстрируют высочайшую концентрацию вокруг национальных социал-демократических партий: 75,7% латышей состояли в ЛСДРП, а 72,1% поляков – в ППС или СДКПиЛ. Эти цифры свидетельствуют о том, что революционное движение в Прибалтике и Польше имело ярко выраженный национально-территориальный характер. В отличие от них еврейская выборка выглядит более неоднородной. Ни одна партия у евреев не имела абсолютного большинства. Среди грузин и вовсе все бывшие политкаторжане были членами российских политических партий. Подобное распределение отражает высокую степень интеграции еврейской и грузинской молодежи в общероссийское революционное движение.

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 692. Л. 4.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1745. Л. 9.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 51. Л. 5.

Таблица 1. Партийные доли внутри национальных групп (в%)**Источник:** Политическая каторга и ссылка... С. 15–876**Table 1.** Party shares within national groups (in %)**Source:** Political Penal Servitude and Exile... pp. 15–876

Партии	Евреи	Латыши	Поляки	Грузины
РСДРП	29,5	22,7	17,1	78,6
ПСР	18,1	0,9	4,3	21,4
Бунд	25,8	0	1,1	0
ЛСДРП	0,8	75,5	1,1	0
Анархо-коммунисты / местные анархистские группы	20,2	0,9	4,3	0
СДКПиЛ	0,2	0	23,7	0
СЕРП	0,7	0	0	0
Поалей Цион	3,1	0	0	0
ППС	1,6	0	48,4	0
Всего	100	100	100%	100

Содержание революционных практик свидетельствуют о том, что поводом для ареста представителей национальных меньшинств в большинстве случаев являлось членство в лево-радикальной организации, а также политическая агитация, хранение и распространение запрещенной литературы. Например, А.И. Андрушкевич, после того как «получил доверие партии», стал распространять прокламации среди рабочих завода. Позднее в автобиографиях революционеры нередко подчеркивали свою изобретательность в ведении пропаганды¹. Так, Л.А. Арустамов рано утром раскладывал прокламации в ящики мастеров завода, причем его никак не могли выследить. По его словам, «мастера находили эти прокламации, начинали ругаться и браниться, но все равно читали их»². Для ведения массовой пропаганды особую ценность представляли рабочие типографий, которые могли снабжать партийные ячейки необходимым оборудованием. Например, И.А. Бабилодзе доставал материалы для тайной типографии, за что и был арестован. В 1905 г. революционер был вновь задержан в нелегальной типографии, где к тому же хранились 2 бомбы. За данные преступления Бабилодзе получил вечную ссылку в Сибирь³.

Из-за принадлежности к революционному движению молодых людей часто увольняли с работы и некоторые переходили к агитации в деревне. Член партии «гначкистов» (армянские социал-демократы) Л.А. Арустамов, устроившись на работу у местного кулака, начал пропаганду среди крестьянства, собирая сходки. Но вскоре на него донесли, и после угроз земского начальника Арустамов уехал в Баку⁴. Бывший латышский крестьянин Р.Ф. Скамон (1888 г. р.) в 1911 г. руководил забастовкой на одном из рижских заводов. Молодой социал-демократ возглавил стачечный комитет, который организовал раздачу пособий нуждающимся. Однако вскоре все 10 участников комитета были обвинены в убийстве штрейхбрекера. После двух лет тюрьмы Скамон получил наказание в виде 15-ти лет каторги⁵.

Многие представители национальных меньшинств были осуждены за тяжкие преступления, какие как хранение оружия. Так, грузинская революционерка С.В. Мартиросова (1884 г.

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 89. Л. 6.² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 68. Л. 32.³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 89. Л. 6.⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 68. Л. 33.⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1844. Л. 3.

р.) с 1905 г. занималась изготовлением поддельных паспортов, складировала у себя на квартире оружие и взрывчатые вещества¹. Я.А. Бирзе в 1906 г. получил указание от руководства ЛСДРП на получение и хранение оружия. В результате доноса на его квартире прошел обыск, были найдены 10 пистолетов «Маузер» и 11 пудов патронов от винтовки той же системы. За данное преступление Бирзе получил 6 лет каторги².

Радикалы из поколения «революционного перелома» в начале XX в. стали активными организаторами ученического и стачечного движения. Упомянутый уже Рычков приводил в своей автобиографии случай, когда учащиеся, узнав о манифесте 17 октября 1905 г., устроили шествие с красными флагами по центральной улице Хабаровска к дому генерал-губернатора. Через год активиста за революционную деятельность исключили, но после недельной забастовки старших классов он был восстановлен³. Армянин, выходец из деревни И.А. Довлатов (1887 г. р.) принимал участие в ученической организации, затем, будучи токарем, в стачечном комитете Общебакинского района⁴.

Среди революционеров были и те, кто принимал участие в терроре против власти. Например, поляк Б.М. Карлевич (1890 г.р.) в 1908 г. был осужден на 20 лет каторги за покушение на убийство полицейского надзирателя и агента сыскного отделения. Молодой человек вместе с группой единомышленников попытались помешать задержанию своего товарища, в результате чего были произведены выстрелы из револьвера в представителей власти, которые при этом не пострадали. Карлевич входил в так называемый «союз пекарей» для организации отпора полиции. Впоследствии в Обществе политкаторжан долго разбирались с его делом, так как были сведения, что Карлевич после ареста давал признательные показания⁵. За покушение на убийство земских стражников к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, был приговорен поляк Я. А. Дзядчик (1887 г. р.)⁶.

Революционеры в своих автобиографиях, как правило, не акцентировали внимание на национальном вопросе в Российской империи. Сознательно избегая «опасных» тем, политкаторжане в своих автобиографиях подчеркивали свои заслуги в протестном движении и последующие тюремные испытания. Тем не менее, в воспоминаниях революционеров не осталась без внимания такое масштабное событие как «армяно-татарская резня» в 1905 г. (татарами в Закавказье в это период называли азербайджанцев). Оставивший обширную автобиографию Л.А. Арустамов, утверждал, что в феврале 1905 г. капиталисты с помощью правительства сознательно провоцировали национальные конфликты для отвлечения рабочих от борьбы за свои права. По его данным, «эта резня была настолько неожиданной, что наша партия не знала об этом и не могла подготовиться». Революционер подчеркивал, что непрочный мир, заключенный при посредничестве «попов и мулл», через 5-6 месяцев был вновь нарушен из-за провокаций жандармов⁷.

Одним из факторов радикализации части еврейской молодежи выступал систематический характер еврейских погромов, происходивших в Российской империи. В этих условиях мотивом для ухода в подполье часто становилась не привлекательность леворадикальной идеологии, а необходимость физического выживания и защиты. Именно через создание боевых отрядов самообороны некоторые евреи вовлекались в нелегальную деятельность, быстро попадая в поле зрения полиции. Так, А.А. Абрамович (1886 г. р.) свой первый арест получил не за пар-

¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1216. Л. 4.

² ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 181. Л. 5.

³ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1745. Л. 11.

⁴ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 617. Л. 3.

⁵ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Л. 14

⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 68. Л. 36.

⁷ Политическая каторга и ссылка... С. 190.

⁷ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 68. Л. 36.

тийную пропаганду, а за участие в защите населения от погромщиков¹. Для А.Я. Лабушинского (1886 г. р.) из Калишской губернии революционный путь в Бунде начался со сбора средств на закупку оружия для таких же подпольных отрядов². Член Бунда А.З. Шварц (1888 г. р.) в период революционных потрясений самостоятельно руководил боевой дружиной самообороны в местечке Ново-Мышь³.

4. Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что национальные меньшинства поколения «революционного перелома» являлись важной составной частью левого крыла российского революционного движения. Несмотря на заметное преобладание евреев, среди них были представлены практически все этнические группы Российской империи. В социальном же срезе преобладали выходцы из городских низов, тогда как крестьяне примыкали к революционному движению, как правило, на несколько лет позже и нередко уже в городской среде, куда многие из них отправлялись в поисках альтернативного источника дохода. Большинство участников включились в подпольную деятельность в подростковом возрасте. Среди факторов радикализации настроений молодежи следует выделить тяжелое материальное положение семей, влияние антиправительственных настроений старших родственников и, разумеется, саму обстановку предреволюционных и революционных лет. Однако были и те, для кого национальный вопрос стал определяющим в формировании политических взглядов и антиправительственных настроений.

Большинство представителей анализируемой выборки являлись членами леворадикальных групп марксистского толка. Частые переходы из одной политической организации в другую были вызваны как несформированностью их политических взглядов в силу юности и низкого образовательного уровня, так и спецификой подпольной работы, сопряженной с постоянной угрозой ареста и необходимостью скрываться от преследований властей. И хотя большинство революционеров занимались агитационной и пропагандистской работой, некоторая часть из них принимала непосредственное участие в террористической деятельности.

Список источников и литературы

1. Агранов, А. А. (2026). *Северо-Кавказское краевое отделение общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев* // Научный диалог. Т. 15. № 1. С. 366-382. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-366-382.
2. Агуреев, С. А., Болтаревский, А. А. (2020). *Проблемы развития национального движения в Польше в 1905-1917 годах* // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». № 38(2). С. 68-74. DOI: 10.25688/2076-9105.2020.38.2.07.
3. Багирова, И. С. (1997). *Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века (1900-1917)*. Баку: Елм. 336 с.
4. Базаров, А. Т. (2018). *К вопросу о роли евреев в анархистском движении накануне революции 1905-1907 в Российской империи* // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 6. С. 41-61.
5. *Борьба за Советскую власть в Прибалтике* (1967). М.: Наука. 627 с.
6. Будницкий, О. В. (2005). *Евреи и революция 1905 года в России: Встреча с народом* // Неприкосновенный запас. №6 (44). С. 99-104.
7. Варфоломеев, Ю. В. (2009). *«Редущая старая гвардия недаром объединилась в рядах Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев»: краткий очерк истории Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев неизвестного автора из фондов ГА*

¹ Политическая каторга и ссылка... С. 16-17.

² Политическая каторга и ссылка... С. 344.

³ Политическая каторга и ссылка... С. 720-721.

РФ // Освободительное движение в России. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Издательство Саратовского университета. С. 142-148.

8. Васильева, Н. Ф. (2024). *Землячества всесоюзного общества бывших политкаторжан: состав и деятельность* // Шестнадцатые байкальские социально-гуманитарные чтения. Материалы чтений. Иркутск: Издательство ИГУ. С. 15-21.

9. *Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация 1921–1935.* (2004). М.: Звенья. С. 32.

10. Габараева, Э. Э. (2012). *Южная Осетия в период первой русской революции* // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. № 26. С. 25-34.

11. Джаббаров, Ф. Р. (2017). *Власти Российской империи и армяно-азербайджанский конфликт* // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 62. Вып. 3. С. 449–462. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.302.

12. Кистанов, С. В. (2015). *Партия социалистов-революционеров на территории современной республики Мордовия* // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 1-1(51). С. 76-80.

13. Оганджян, Ш. Б. (1975). *Революционное движение молодежи Закавказья (1890-е гг. – 1917 г.)*. Ереван: Айастан. 298 с.

14. Солженицын, А. И. (2001). *Двести лет вместе (1795–1995). Часть первая*. М.: Русский путь. 512 с.

15. Эюбов, А.К. (2009). *Тактика «Дашнакцутюн» в период армяно-азербайджанского конфликта 1905 года* // Исторические науки. № 6. С. 28-32.

16. *Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ)*. Ф. 533. Оп. 2.

17. *Политическая каторга и ссылка*. М.: Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 878 с.

References

1. Agranov, A. A. (2026). *Severo-Kavkazskoe kraevoe otdelenie obshchestva byvshih politkatorzhan i ssyl'nposelencev* [North Caucasus Regional Branch of the Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers] in *Nauchnyj dialog*, 15, 1, 366-382. (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-366-382.

2. Agureev, S. A., Boltarevsky, A. A. (2020). *Problemy razvitiya nacional'nogo dvizheniya v Pol'she v 1905-1917 godah* [Problems of the Development of the National Movement in Poland in 1905-1917] in *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, 38(2), 68-74. DOI: 10.25688/2076-9105.2020.38.2.07. (in Russian).

3. Baghirova, I. S. (1997). *Politicheskie partii i organizacii Azerbajdzhana v nachale XX veka (1900-1917)* [Political parties and organizations of Azerbaijan at the beginning of the twentieth century (1900-1917)]. Baku: Elm. (in Russian).

4. Bazarov, A. T. (2018). *K voprosu o roli evreev v anarhistском dvizhenii nakanune revolyucii 1905-1907 v Rossijskoj imperii* [On the Role of Jews in the Anarchist Movement on the Eve of the Revolution of 1905-1907 in the Russian Empire] in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, 6, 41-61. DOI: 10.32532/0869-639X.2018.6.41.61. (in Russian).

5. *Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Pribaltike* [The Struggle for Soviet Power in the Baltics]. Moscow: Nauka. 1967. (in Russian).

6. Budnitsky, O. V. (2005). *Jews and the 1905 Revolution in Russia: Meeting with the People* [Jews and the 1905 Revolution in Russia: Meeting with the People] in *Neprikosnovenny zapas*, 6, 99-104. (in Russian).

7. Varfolomeev, Yu. V. (2009). «*Redeyushchaya staraya gvardiya nedarom ob'edinilas' v ryadah Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'nposelencev*»: *kratkij ocherk istorii Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'nposelencev neizvestnogo avtora iz fondov GA RF* ["It was

not without reason that the thinning old guard united in the ranks of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers": a brief essay on the history of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers by an unknown author from the collections of the State Archives of the Russian Federation] in: *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Mezhevuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 142-148. (in Russian).

8. Vasilyeva, N. F. (2024). *Zemlyachestva vsesoyuznogo obshchestva byvshih politkatorzhan: sostav i deyatel'nost'* [Fellowships of the All-Union Society of Former Political Prisoners: Composition and Activities] in *Shestnadcatye bajkal'skie social'no-gumanitarnye chteniya. Materialy chtenij*. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU, 15-21. (in Russian).

9. *Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'noposelencev. Obrazovanie, razvitie, likvidatsiya 1921–1935* [All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. Formation, Development, Liquidation 1921–1935]. Moscow: Zven'ya. (in Russian).

10. Gabaraeva, E.E. (2012) *Yuzhnaya Osetiya v period pervoj russkoj revolyucii* [South Ossetia during the First Russian Revolution] in: *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodyh uchenykh*, 26, 25-34. (in Russian).

11. Jabbarov, F. R. (2017) *Vlasti Rossijskoj imperii i armyano-azerbajdzhanskij konflikt* [The Authorities of the Russian Empire and the Armenian-Azerbaijani Conflict] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 62, 3, 449–462. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.302. (in Russian).

12. Kistanov, S. V. (2015) *The Socialist Revolutionary Party on the Territory of the Modern Republic of Mordovia* [The Socialist Revolutionary Party on the Territory of the Modern Republic of Mordovia] in: *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues*, 1-1(51), 76-80. (in Russian).

13. Oganjanyan, Sh. B. (1975). *Revolucionnoe dvizhenie molodezhi Zakavkaz'ya (1890-e gg. – 1917 g.)* [The revolutionary youth movement of Transcaucasia (1890s – 1917)]. Yerevan: Ajastan. (in Russian).

14. Solzhenitsyn, A. I. (2001). *Dvesti let vmeste (1795–1995). Chast' pervaya* [Two Hundred Years Together (1795–1995). Part One.]. Moscow: *Russkij put'*. (in Russian).

15. Eyubov, A. K. (2009) *Taktika «Dashnakutyun» v period armyano-azerbajdzhanskogo konflikta 1905 goda* [Tactics of Dashnaktsutyun during the Armenian-Azerbaijani conflict of 1905] in *Istoricheskie nauki*, 6, 28-32. (in Russian).

16. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. (GARF)* [State Archives of the Russian Federation], f. 533, op. 2.

17. *Politicheskaya katorga i ssylka* [Political penal servitude and exile]. Moscow: *Izdatel'stvo Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelencev*, 1934. (in Russian).

Вклад авторов

К.А. Якимов: получение данных для анализа, анализ полученных данных, написание текста рукописи;

В.А. Ипполитов: обзор публикаций по теме статьи.

Author Contributions

K.A. Yakimov: data acquisition, data analysis, manuscript writing;

V.A. Ippolitov: review of publications on the topic of the article.